

Смена - С. - П. Д.

Наталья МЕДВЕДЕВА:
"МЕНЯ ВСЕГДА ТЯНЕТ К ЧЕМУ-ТО ПЛОХОМУ..."

Наташа, я знаю, что вы в 17 лет уехали из Ленинграда в Америку, что вы работали манекенщицей, певичей в Лос-Анджелесе и в Париже, что ваши первые издания во Франции и Германии, а сейчас — готовятся несколько изданий в Москве — в частности, романы «Мама, я люблю тебя» и «Голубь «Калифорния»».

— И еще должна выйти одна книжка — «Моя борьба» называется...

— Что такое «Моя борьба»?

— Моя борьба — за жизнь, за место в жизни, за мой кайф!

— А моя борьба не cominciалась или продолжается?

— Думаю, продолжается.

— Оригинальное, у вас сказано, название. И как вы тут у нас параллель с книжкой Гитлера?

— Ну какая? У него была своя борьба, у меня — своя... Вот и все. У меня все названия чужие, это будет как бы завершающий в ряду моих автобиографических книг...

— Вы везучая?

— Нет.

— Вы любите жизнь?

— С одной стороны, я люблю жизнь и люблю жить, а с другой — не могу и не люблю жить, если о ней не писать...

— Вы живете для того, чтобы писать?

— Может быть... Но для меня это прежде всего возможность уйти в сторону от жизни...

— Наташа, на формирование ваших взглядов Эдуард Лимонов, ваш супруг, большое влияние оказал?

— В смысле какой-то дисциплины, понимания того, что надо — значит надо, оказалось, конечно. А на взгляды — вред ли?

— Ваш друг обещал — русские или французы?

— У меня вообще знакомых мало. Есть пара русских девушек, есть знакомые музыканты из всех русских ресторанов...

— А вы не ощущаете себя в замкнутой простоты?

— Я? С кем хочу, с тем и общаюсь, хоть с французизми, хоть с американци...

ми. Но у меня очень часто нет желания общаться. Я вообще, наверное, по натуре замкнутый человек.

— Ну с Синявским, с Розановой вы не дружите?

— Мария Васильевна Розанова... Ха-ха! Она хочет меня не считать в своем кругу. Синявский, по тем же мотивам, не хочет. И правда, были очень бурные отношения. Мне предложили делать у нее в типографии бесплатные копии, и я не согласился. Она, конечно, сама позволила мне: я требую, чтобы мне принесли новую машину! А я ей говорю: ну зачем мне чужие новые копии, Мария Васильевна, мне нужно каждый день делать по триста страниц!.. Мне кажется, что это лучше, как бы невозможно из прошлого... И вот, в результате, у нас возникло много этого зверского нападения, о котором много писали...

— Это название носила черные очки?

А всего у меня было две операции — две. И одна из них осталась.

— Как это произошло?

— Ну чего... Какой-то сумасшедший на меня напал...

— Ни с того ни с сего?

— Почему? Что в ресторане обычно происходит? Все разговаривают, кто-то кадрирует...

— Лимонов писал в газете «День» о политической подоплеке этого нападения...

— Он просто не знал тогда, что произошло! Это был несчастный случай, произошедший со мной, к сожалению, и не с кем-то другим...

— Наташа, Лимонов постоянно бывает в России, потому что он участвует в политическом процессе. А вы что сюда делаете?

— Меня всегда тянет... к чему-то плохому! Ха-ха! Такое капризное пурлюхальство...

— Вы до сих пор где-то служите?

— Я в основном работаю за своим столом. И по-прежнему маленькейшей — уже 12 лет. А время от времени — в ночных парижских пятах, ха-ха! Я

[illegible]

калпачивая, а правда ли это, что...
— «Злodeй» описано, или нет?... Наприме-
ру у меня вышло две книжки во Франции.
Почему-то там меня никто не спраши-
вал: а правда ли это, что вы минуете уме-
е делать? А правда ли, что вы трипе-
ром болели? В голову никому не при-
шло... А вот здесь, я уверена, — выдана
моя первая книжка, и именно такие вопро-
сы поступают.

— Но вы бы ответили, Наташа?

— Минует делать умею, трипером
болела! Но это никакого отношения к
моей книжке, ни к литературе не име-
ет! Вот есть такой писатель Чарльз Бу-
ковский — он взял и пришел на про-
грамму французского телевидения плы-
ти в зашицу, тем самым подтверждая пла-
тельность своих рассказов! И все, е-
никто теперь не должен задавать вопро-
сы: а правда ли неправда!

— У вас с Лимоновым полное взаим-
понимание по всем вопросам?

— Нет, неполное!

— Как вы оцениваете его нынешнюю
интернациональную деятельность с мораль-
но точки зрения?

— Мне сложно говорить об этом.
Здесь толку так можно ставить вопро-
сы — полезно все это или нет? Я думаю,
что полезно.

— Кому?

— Ну, на чей стороне он выступает?
А он выступает за единую страну, за
отставку этих безумных реформ, за
замораживание цен...

— Наташа, ну а на чей стороне
он?

— Не знаю... Я выделас с ребятами
партии Жириновского, принадлежал к
к более молодой ветви, — Жариков, А-
хипов, Бузов... Да они обалденные с-
вершенно ребята с потрясающим чувст-
вом юмора, современные, все зна-
ющие, все читающие, все собирающие.
Плюс только, что они очень много
болтают и ни хрена не делают...

— А кто для вас российских поли-
тических деятелей наиболее близок?

— Никто.

— А кто мог бы помочь России?

— Я думаю, что это будет какое-то национальное правосрадикальное движение... Ультралевые, немножко с фашистами связанные... Вот слово «фаши» — оно в русском сознании сразу вызывает ассоциации с сорок первым и далее... Но мне просто кажется, что какая-то партия, которая должна заменить нынешнее правительство, — она должна обладать вот таким уклоном.

— Это спасение для России?

— Россию долго ничего не спасало. Между прочим, многие люди считают равенство между «спасением» и счастьем, покоем. Вот в застойные времена — а для меня это были самые бурные годы моей жизни! — была спокой-

уверенность в завтрашнем дне, не было о продуктах думать».

— А чего им не хватало?

Полково интуитивно аватор Интерсно было...

— Значит, нам нужны новые же мовые репрессии?

— Ну и что? Я не знаю, може конечно, начиная очень — ну яа. Конечно, и жертвы, и террор, для чего переломный момент, сейчас верна история — это плетно здесь, в этой мира, а не где-то во Франции или майнии! Жесткая власть — это не что что всех сразу посылает в тюрьму, надо — посылает. Мало людей, ч которых надо посылать? Здесь ОБХСС отменили, его больше не ствует. Сейчас-то как раз больше и нужен ОБХСС!

— Наташа, а вам в такой России было бы жить? Или бы, наверное, интересней! Сейчас получается что на месте. Ожидание... А чего ждуго все ждут? Я бы хотела здесь если б я могла действительно принять участие активное в жизни — публивать свои книги, иметь возможность хода в прессу, высказываться о том, происходит, петь какие-то свои песни...

А вообще, знаете, иногда так вается — человек что-то строит, зякает... Или возьмем такой пример: зякает говорит обид, все же там майни — парит, жарит, парит... крошит, все петрушкой украшает, накрывает, сияет, она тоже прекр Приходит кто-то, сдает и говорит чего ж ты салат не ешь? А, отине уже надоело, уже столько лась, делала! В этом же, навесь какой-то смысл, потому что процесс, а не цель. По крайней для женщины это куда важнее...

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

Наталья МЕДВЕДЕВА

CAPODANNO*

Она делила комнату пансионс — с женщиной из Риги, плохо говорящей по-русски. Та была очень любезна и сидела с ее ребенком, пока сама она носилась по городу. «Я в Риме! В Риме!» хотелось кричать ей на улицах. Она не могла поверить, что может вот так, — просто, свернув за угол, увидеть перед собой полукруг Коллизея. Она с ужасом вспоминала уговоры подруги не ехать: «с ребенком... от мужа нет писем... пропадешь... подумай о матери...» Случай с Испанской лестницей, забегав в кафе и как итальянка уже — командуй! — бери бутерброды, гуляя вечерами — долгие по пальца Напона, она повторила себе: «как же, как было не ехать сюда!»

В пансионе можно было жить неделю. В еврейской организации, принимающей эмигрантов, ей почти отказали: «Вы не еврейка, ваш муж не оставил никаких указаний», но потом пожалели — ребенок очень кстади расплакался — выдав полагающуюся сумму из огромных купюр. Там же ей сказали, что квартиру надо снимать в пригороде Рима — Остии Лидо.

Эмигрантов в пансионе становилось все меньше — они снимали квартиры и продавали фазенды простыми из натуральной льяны (кожаные параты и березы). Один день оставался до конца недели. Она положила ребенка в коляску, подаренную подругой в Ростове, и поехала в Остии.

все и сидят здесь. Кому же охота ехать в это клоуко Нью-Йорк или в Австралию — туда лететь больше суток! Мы то честно заслуживаем разрешения ехать в Лос-Анджелес — у Вадида там дочь от первого брака, замужем за американцем, домом и бассейном... — Ну, что вы устроили биографический вечер, доругались... А деньги Вам на двоих дали?... Не трагаться — я чувствую, Вам придется платить больше мажорские.

Ярко красная, очень маленького роста женщина в парике потрогала ее за рукав.

— Хотите Вам покупать куртку и круглому рылке. И желательно сразу трех — это намного дешевле. И торгуйтесь, не стесняйтесь...

— Какие куртки? Вы с ума сошли! Где она их будет покупать? Ей жить негде... Слушайте, что я Вам скажу, — в разговор вступил не очень опрятного вида мужикон. — Не селитесь в фешетском районе, даже если будет дешево. У них там стреляют!

Ярко красная взвизгнула: «Опомнитесь! Вас в Вашем коммунистическом ограбили!»

Девушка, подждавшая мужа, подхватила сумку, сказала, что уходит. Новым эмигрантам не приходили и приходили. Кто-то кричал из здания почты: «Сенечка! Киев на проволде!» Пробоявась к зданию почты, задев ее коляску, Сенечка как бы никому сказал, что хазя

— Пожид там два годика, и хватит, в Союзе от армии косил для того, чтобы в Израиле подохнуть? Другом погиб, а вместе в школе учились в Киве. Да и скучно там — одни пейсатые. Здесь я уже везде побывал, только что из Германии вернулся, может, там и целюсь... И чего всем эта Америка: сдастся? В Остии тоскее... Девая на «ты»!

Они выехали в Рим, освещенный жутыми огнями, и он подвез ее к самым дверям пансиона.

— Я, может, подыщу тебе подходящий вариант в городе... Да нет, не надо. Ты же не хочешь. Завтра к тебе черку подведу за тобой. Договорились: только ребенка оставить с мамой-буба, а чего его с собой-то таскать... Не грусти, завтра в шесть заеду. Чуй!

Она договорилась с синьорой Сильвией, хозяйкой пансиона, называемой эмигрантами бандейшей, что останется еще на два дня, и та даже посидит с ребенком. Все это стоило трех простеньких, бутылки «Столичной» и баночки красной икры. Хозяйка переселила ее в комнату помельше, так как ожидала приезда новой партии эмигрантов.

Не то чтобы пареня полюбил, но настроение у него улучшилось: если не поехать в Остии, она всегда сможет поехать в Польщу. К молодящейся в искусственной шубке. Ей очень не нравилась ее сапоги, и она решила надеть туфли, подумав, что все равно в машине и не замечу, мол.

мои разглядывала... их. На... несколько черновато-белых он криво хмыкнул.

— Этот вот дружок мой, что по...
На фоне танца стояли он и его д...
жок, но пояс раздетые, с автоматами в...
руках, улыбающиеся, в обнимку. Би...
е еще много армейских сиников — ре...
та на танке, опять полураздетые, од...
гитарой, другой с аккордеоном, од...
тальные будут поют.

— Вот так погибли. Трое из...
каза. И устал, а они через два месяца...
за что боролся, на то и... Курнуть...
чешь!

Он предложил ей самокрутку, ко...
рая очень ароматная.

— Да это гашильш План курила в Со...
зе! Ну, вот... потяни, он слабенький.

Она затагнулась, задержав у себя де...
как можно на дольше — как учила в...
знующая Любка. Они тогда, покурив...
жужо смеелись над всякой ерундой...
танцевали как чокнутые.

Ей было очень неудобно сидеть...
поджатыми ногами, но вынуть их...
не решилась. Перцы устроились пр...
расно, и она сплела, приподним...
иногда что отблуживать вернут, и ог...
ложился, насмешивая под музыку. Ко...
только хотела спросить его о сини...
который разглядывала, как он сел...
взял ее за руку.

— Ну что, Алка-Галка?

Он схватил ее руку и заглядывал...
лицо. Потом он потянул ее назад, и...
медленно упала на его руку. Он по...

курину ножку, и растолкав матрац оказывается среди изразильяных солдат. Солдаты, не давая ей встать четверенек, по очереди суют в нее автоматы.

Она проснулась от своих всхлидов. Действие гашаши прошло, и ей страшно. Она разбудила парня и ушла, а его отзвяти ее в пансион был злой и сонный.

— Ты хоть соображаешь, что четвертый час!..

Она вылезла из-под простыни и ла да одеваться, продолжая всхлипывать, просить его. Он не вставал. Она перед матрасом и стала гладить пар по волосам, называя ласковыми именами. Он отключился и встал. Матра сь, он никак не мог попасть ногой штанину. Она бросилась помогать и он ударил ее по лицу, но смазал лицо ста жадать, сидя в кресле. Она кал ключи от машины.

— Ты что ты делаешь так? Да вый! Свободы ведь хотели — ну она, свобода. Живите, как хотите. Дети, вам тут дворцы предоставят, вы вас устроит! А вот этого не хотели он изобразил руками жест, означая — хуя, мол, тебе. — Все вы, как с вые дети. Квартиры не сняты! Ни хер ты вообще сюда приехала, ты Сидела бы у себя в Ростов-папе и рыпалась, балерина хуева! Ничего! Америке попляшешь... Только не сцене, а в очереди за пособием!

ставляла себе концертный зал, сцене выступал группа девочек. Ее подиружил и кричал: «Бравол! Бравол!» Хореограф». Она вышла на сцену в длинном платье, что тогда было модно, и кланялась, и все пошло «бравол!» А потом в зал вошел «бравол!» и лысый. Остановился на античных развалинах, она опять запела, и, повторяя, что все конечно, подумала, что никому на свете не нужна со всеми кривыми ногами и плохими зубами.

Вечером она поехала в Остию, воя ребенка с новой соседкой, за руль через три дня должен был ехать муж. Из Америки. На большой площади почти никого не было. Вещных окон домов вокруг — елочка. Она увидела знакомую — в ронку с прошлого раза и стала спрашивать его о «молодах и старых», конуственной шкуре, о «спасении и о том», что она ехала вчера в Йорк. «С пожиманием вехам из Мом» — почему-то подумала она. Стало совещивалось и и сокращались люди меняются здесь...». Она подумала, что не меняются, а становятся с собой, и пошла в кафе.

Она заказала ронку коньяка, и слабые сигаретки и сожалела, что не стащила гашинушку самокуртки израильщины. Она смеялась над и над своим излюбленным «мир и добрых людей». Над тем, что ей так приятно было в Ростоке, как

В электричке ей помог пожилой ваг-он из Москвы. Вагон был переполнен ароматными итальянцами, и колеску ей пришлось сложить. Москвич все предупреждал ее, что «у этих цыган даже последний грузчик при шарфике, а худой ни копеечки», и посоветовал приглядываться за сумочкой. Он проводил ее до площадки, где находилась почти и где «всегда толкутся эмигранты, и Вы все узнаете о квартире». Сам он спешивший домой поклеваться уезжал на следующий день в Нью-Йорк по гаванской траектории. Он сделал один раз в жизни, в возрасте трех или пяти лет, он точно не помнил.

И без предупреждения москвичка она все узнала в людях, толпившихся на небольшой площадке, эмигрантов. Как отделились они от тех же «последних грузчиков» в электричке! Многие из одеты были по римской моде, но что то особенное было в их осанках, движениях, выражениях лиц. Заметив особенно стоящую девушку с мальчишеским она решила подойти прямо к ней — «она сама с ребенком и поимет мое положение». «Не имею понятия ни о чем, всем устройством занимаюсь музеем — которого девушка и удивлялась, что не знает куда то провалился». Девушка все же предложила покартулету ее колеску, пока «вы покрутитесь тут со стариками».

дним здесь вообще делать нечего.
— Она примкнула к новой группе.
— Упаси Вас Господи связаться с ирландцами. За квартиру они сдерут с вас последнюю шкуру. Их никкие организации не принимают из-за их драконовских паспортов, и они просто злы. Верели. Творят здесь черт те что... Хотя, так, может, раз Вы одинокая, Вам будет легче с ними договориться...
— Если у Вас муж в Америке, чужой он Вам гарант не пришлет! А вообще у всех так мужи...
— Молодаясья в искусственной шубке, сообщала, что из ее квартиры выезжают через три дня.
— Я с Вас ничего не возьму, если Вы согласны вести за меня уборку мест общего пользования. В квартире еще две семьи, и каждая дежурит по неделям.
— Она тут же согласилась. Ей все равно было — смотреть квартиру сейчас или потом. Она скорее хотела уехать с этой планшад в свою, пустую уютную комнату пансионата. Ей посветовали предложить хозяйке баночку икры — «холодна не пройдет», — чтобы та отпустила ее в пансионат на два — три часа. Она выжила. С молодым человеком, что придет повеселиться, и дав ей не большой задаток — ведь она никому больше не будет предлагать комнату — она пошла в сторону вокзала.
Задержавшись на переходе, она услы-

У нее были кривые ноги с то-
стыми икрами. Занятия в хореографи-
ческом училище, работа в ансамбле со-
временного танца — все это сказало-
сь на ногах, которые приобрели фор-
мально правильные, но в последние вре-
мена, правда, она почти не танцевала — р-
ботала преподавателем характерного
танца в Доме культуры.

Она покружилась перед зеркалом,
улыбнулась. У нее были плохие зубы.
На танцевальной площадке она не
училась улыбаться, не разжимая гу-
бы так, что многие и не замечали.

Парень примчался на новой маши-
не и объяснил опоздание покупкой «кон-
гиз». В машине пальто ее все время р-
спихивалось — было узковатым, и о-
стеснялась. Но потом она подумала, что
ведет себя, как дурочка, и стала ре-
сказывать парню историю о балете
Доме культуры и своей подруге Лю-
де, тоже танцовщице. Они остановились
у подъезда, и парень сказал, что дол-
жен идти домой, позвонить и догово-
риться посмотреть квартиру. Ей показав-
лось это странным, и она начала про-
ждать его в машине. Но парень не по-
жалел, что, махнув рукой, она пошла с ним.

Квартира — малосъемная и без ку-
хонь — находилась на последнем этаже. Вид
сто кровати на полу лежал матрас, а
крытый сваленный и посеребривший
щукрой. На столике в углу стоял

— Почему же Будет хорошо, я и сейчас.

Она опять вспомнила, как в Ростове под эту же музыку представлял себя, объясняя жгучего бродягу: «Ну и он, жгучий... Нет, итальянец, правда, разве? Ну и что...» Она только попроще оглядела маленькую лампочку, вставшую рядом с матрасом.

Ей было хорошо, и она думала — чему так всегда стесняется раздетый Парень еле слышно напевал, перебивая ее спутавшиеся волосы. «И ему было хорошо. И как раз ему чулки с двумя килем поясом его еще больше возбуждали... Почему надо так стесняться рассказывать? Но он понял. А я-то — скорее стеснись с себя все свои трюки, пока он кассету перематывает, трюки можно опять не начинать...» А телескопизм-таки... Руки у него какие ловкие — как до внутренних дотрагиваются до стальных свет. Она сразу подняла на себя протестно и подумала, что кишка с глаз у нее размозжилась. Он думал не взглянул на нее — встал и голый пошел в ванную. Она тут же подтащила к себе тумбочку и достала зеркальце. Подушались из маленького флакончика «Клима», купленного в Москве еще сорок рублей.

Он вернулся без полотенца на б

Они вышли из квартиры, и он начал не разговаривая с ней — гнал маму, совершая безумные повороты, зато сам перед самым пансионом. Это было стыдно.

— Давай, вылезай. Твоя старшая сестра «Мечта» Достоевского. Приехали!..

Она что-то пробормотала и бросила ключи в дверь. Они не заперлись на замок, и она тихоноко прошмыгнула на второй этаж.

Чтобы пройти к своей комнате, надо было идти через столовую, и каждый день эмигрантам подавали карроны или курицу. Где после них дала свое семья синовья Сильвия очень долго, ругаясь, бросаясь перлами, стукая по столу стаканам, и, дескивая из них минеральную воду, чаше вино. Выбегая из комнаты с пелсами «ваф ан куло!» и возвращаясь к столу до следующего звизга, который делал молниеносно за первым.

Она увидела горящую лампу на столе, рядом стояла колыска, а на сиденье спящая синовья Сильвия с той.

— Синовьячка, вы моя, Сильвия. Простите меня, синовьячка! Спросила, синовья Сильвия за своей ложкой на нее и, только при я «ненте, ненте», прикладывала палец к губам, мол, тише.

В восемь утра по всему пансиону

измарили. И что смелось слово
бода», которое так часто повторил
Голосу Америку, — так же непохо-
же как и то, что было сказано секун-
ды спустя: «Побеждать за угол к
«Солнцeve дети» — правильно из-
ъянтин сказал. И все за нас солп-
утирли — бабушка, школа, — под-
профсоюз...» Хотела добавить —
и, рассмеялась: «Жизнь-онто действо-
но утер мне нос!» Залпяти за —
«боже! Это ведь три пары ко-
на «солдью» и помедели», она
лась на почтовую площадь. Пароч-
закисывала еи.

— Мы нашли Вам очень подхо-
вариант. Не бойтесь — это наш
мая. Чудная женщина. Одинокая
то отказалась от комнаты, особе-
шейся в ее квартире... Она и за
Вашей приглядит... Чудная женщи-
на. Квартира была милой... — к
онам привлазил в другом настр-
Комната выходила окнами в садик
заялика, напоминавшая же тетю, и
лась за стол посередине кухни.

— Все-таки праздник. Обычно о-
ит в уголке, у окна...

Они пригласили ее за стол. Она
ла с ними водки, поела обязательно
салата оливье. «Кто я?! Кто
мне!». Чужие мы! — подумала она
собралась уходить. Старички пре-
ли ей остаться — «куда, мол, ей

— Она подошла к группе людей, возмущавшей огромного роста мужичков, громко смеющихся и жестикующих широчайшими.

— Слушайте, дорогие, я Вам срочно скажу... с квартирами плохо. А что, более, что Вы с малым ребенком. Конечно, можно просперсать от плача малую денца в шесть ута. Вам надо в какую-нибудь квартиру, где уже есть дети...

Его перебила супруга.

— Что ты говоришь, Вадим! Кому жужжи чужие дети... Тут от своих не знаешь, куда деться...

Стеняся, она спускала, нельзя ли сменить одежду, пусть малюсенький человек, Жена Вадима вздрогнула широчайшими.

— Вы, дорогие, с неба свалились. Вы знаете, сколько это стоит? Может, Вы вывели что-нибудь... Вы понимаете, милочка, все хотя ехать в Лос-Анджелес, в город закрылки, никого. Больши не принимают — даже райский ут не лод — только по личному гаранту. Вот

— ведь Нового года. (Итэд.)

стала из рук коляску — та покатила
на мостовую. От испуга она застыла,
не побежала за ней. Откуда-то выныр-
нувший парень подхватил коляску и по-
ребжал с ней дорожку. Тут же в
прикрытых машинах Парень замахал
рукой с противоположной стороны ули-
цы. Она подбежала к нему повторять
«Грация, мулыте грация!»

— Можете по-русски, — сказала
парень.

Он был невысокого роста, смуглый,
— Не знаете, кто ли, какие здесь во-
дители? А, ну это Пасно. И квартир-
ники, конечно, нет. Известная история.

Она еще раз поблагодарила его и со-
биралась идти.

— В пансион возвращаетесь? Можете
подвести, мне по дороге. Да не бойся,
Наговирили еврейцы про израильяны.
Поехали.

Гуляя себя, она согласилась — тако-
му же показалась дорога обратно
электричка, метро.

Парень Болтал без умолку. У него
был легкий украинский акцент, и он
действительно сбежал из Израйла.

электроплитка, стаканы и бутылки ве-
мута. Она села в кресло, нехо-
сняя пальто. Он сделал ей койтек
дал несколько журналов и, усевши
на матрас, принялся с собой разго-
Она сказала, что не на ужасней
как ей показалось, языке, вставляя ру-
ские матерные словечки, звонил ее
кому-то и свободно болтал по-италь-
ски. К своему собственному удивлению
она вышла себе койтек и просмо-
ла порножурналы. Ситуация ей не
ставилась запредельным фактом — при-
додумала, что некий человек, зарезав
выбрисил в мусоропровод.
Наконец его телефонные разгово-
закончились.
— Слушай, баба, к которой я хот-
тебя поделить, не хочет ничего с ре-
бенком. Ни в какую, сука. Но ты не в-
шай нос, у меня тут дружок есть... Об-
суждай, как тебе, а я буду молчать. Подожди
я тоже покажу, выпью.
Он включил музыку — Челентано.
Она вспоминала, как в Ростове они
Любкой достали спички и месяцами
потом слушали, придумывая танцы, ме-

раж, как она ожидала. Непризванный она поглядывала на его член — что странное в нем было. Он скупил ее пальцы с ней похоти похоти. Они курили, и он гладил ее грудь. Она увидела, что он возбужден, и опять подумала, что член у него какой-то не такой. Он перехватыл взгляд и засмеялся.

— Что, у руссачок не такой? У тебе же муж еврей... Хотя в Союзе мало это делают. Но зато на Запад приезжают еврейчики... им же за Штатами бабки платят.

Ей неловко было слушать — «он сам еврей».

— Пожила бы ты в Израиль-городе не то бы запела.

Они выкурили все самокрутки, и больше не просила его выключить свет. Она хотела спросить, какой час, но не могла разговаривать. Она ленилась себя, не плакала, улыбалась и нудила. Ей приснилось, что она стоит в середине почтовой плошадки, заткнутой в черное тряпко и куланычню. Все очутилось трюмогляд на нее, а она читала.

хлопали двери. Слышно было, как кто-то и вносил что-то тяжелое, кому-то звали по-русски: «Андрей! Илья!» и слышно было, как кто-то отвечал: «Вот здесь, папаша!» В этот момент паников пришел представитель одной из новых организаций, чтобы ознакомить эмигрантов с правилами и условиями эмиграции. Он передал ей еще му тожка, пришедшее на адрес эмигрантов. Уйдя в свою комнату, она взяла письмо и расплакалась. Муж пошел к ней в чем не виноват, что не мог так легко справиться с этой «выкрутасистой», а он одет в Лас-Вегасе, чтобы поскорее жениться там на чужбине... а она дура, и что ей не сидится в Ростове, где ее все знают, и Доме культуры, где уважали... и она ничего не ждет от него.

Она схватила коляску с ребенком и спустилась на первый этаж и пошла по улице. Наткнулся на милицию, а сменные из лакок, она повторила о «все, вот и все». Вот она в фате, а муж ее уснул во время свадьбы, олях, он не — принимает ее в постель, эх, это не муж, а сосед, вот олях

[illegible]

* — день Нового года. (Итал.)